

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Аннотация. В настоящей статье анализируются черты современного российского правосознания, рассматриваются исторические условия его формирования, а также отражение национального правосознания в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: национальное правосознание, язык правовых актов, право, законотворчество, правоприменение.

Abstract. The article is devoted to the analysis of features of modern Russian sense of justice. The authors consider historical conditions of its formation and the reflection of national sense of justice in lawmaking and enforcement activities.

Key words: national sense of justice, legalese, law, lawmaking, enforcement.

Одной из основных задач, стоящих перед Россией в настоящее время, является формирование гражданского общества. Данный тип общества предполагает развитое правосознание граждан и осознанное исполнение ими требований закона.

Правосознание представляет собой совокупность идей, взглядов, чувств, традиций, выражающих отношение людей к правовым явлениям общественной жизни. Это представления о законодательстве, законности, правосудии, о правомерном или неправомерном поведении.

Структурно правосознание складывается из двух основных элементов: правовой психологии и правовой идеологии. Правовая психология соответствует эмпирическому, обыденному уровню общественного сознания, формирующемуся в результате повседневной человеческой практики как отдельных людей, так и социальных групп. Содержанием правовой психологии выступают чувства, эмоции, переживания, настроения, привычки, стереотипы, которые возникают у людей в связи с существующими юридическими нормами и практикой их реализации. Правовая идеология – это совокупность юридических идей, теорий, взглядов, которые в концептуальном, систематизированном виде отражают и оценивают правовую реальность. По сравнению с правовой психологией, первичной «субстанцией» которой выступают психологические переживания людей, идеология характеризуется целенаправленным, как правило, научным либо философским осмыслением права как целостного социального института. С этой точки зрения представляется важным изучение национального правосознания, которое является отражением существующего состояния права, а также существенно влияет на создание и функционирование правовых норм.

Правосознание, как и любой вид общественного сознания, включает три аспекта: индивидуальный, групповой и общечеловеческий. Общечелове-

¹ Данное исследование проводится в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (контракт № 16.740.11.0708).

ческий аспект права связан с общими тенденциями развития человечества. Он выражается в том, что право в той или иной форме существует в любом человеческом обществе, его субъектами являются все люди; кроме того, нормы права возникают на основе общечеловеческих ценностей, таких как добро, справедливость, долг, ответственность. Однако реальная жизнь общества является далеко не единой, она представляет собой и конкретный процесс развития отдельных стран, народов, классов, которые живут и развиваются в конкретном историческом времени, в реальном социальном пространстве, которые имеют свою историю, свою собственную судьбу. Поэтому групповое правосознание не менее важно, чем индивидуальное и общечеловеческое.

В данной работе рассматриваются национальные особенности правосознания и их отражение в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Правосознание во взаимосвязи с национальной культурой изучалось в основном дореволюционными юристами и философами, такими как Б. П. Вышеславцев, Ю. С. Гамбаров, И. А. Ильин, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, Б. Н. Чичерин и др.

В советский период правосознание рассматривалось как социально значимое явление такими учеными, как Е. А. Лукашева, Г. С. Остроумов, И. Ф. Рябко, П. И. Стучка, Е. И. Фарбер и др.

В постсоветский период проблемы правосознания исследуют Р. С. Байниязов, Н. Н. Вопленко, И. А. Иванников, Н. И. Матузов, Н. М. Русанова, В. Е. Семенов и др. Большинство исследователей отмечают его кризисное состояние.

Проблему современного правосознания в России с позиции профессиональной принадлежности разрабатывают П. П. Баранов, В. Н. Коробка, Е. А. Пушкарев, Н. Я. Соколов и др.

Особенности русского национального правосознания, его формирования исследовались главным образом авторами, представляющими неюридические отрасли знания. Так, существенное научное значение имеют работы философов, историков, политологов, социологов, а именно: Н. Г. Богданова, Ю. Г. Волкова, В. А. Истархова, О. А. Платонова, Б. А. Рыбакова и др. Среди юридических работ следует выделить работу Т. И. Демченко, посвященную проблемам возникновения и понимания древнерусского правосознания.

Этнические особенности русского правосознания подробно рассматривает в своих работах О. Г. Щедрин, который отмечает, что «этнические и национальные особенности русского народа во многом определяют состояние мировоззрения и уровень правосознания всего населения современной России». Исследователь отмечает, что русский народ «всегда был цементирующим, объединяющим элементом в российском многонациональном государстве, именно он связывал собой различные национальности, населяющие Россию, выступал миротворцем в межэтнических конфликтах. Не случайно там, где происходит ослабление роли русского правосознания, культуры, русской толерантности, возникают межнациональные конфликты». На основании этого О. Г. Щедрин делает справедливый вывод о том, что причины современного общего кризиса правосознания в значительной степени связаны с деформацией правосознания и в целом мировоззрения русского народа» [1].

Специфика национального правосознания существенно зависит от условий жизни конкретного народа, особенностей его исторического разви-

тия, существующих экономических и социальных отношений, формы власти. В связи с этими условиями общечеловеческие ценности, на которых основываются правовые нормы, разными народами понимаются по-разному. Национальная (в том числе и правовая) психология существенно влияет на содержание правовой идеологии, а также на реальное правотворчество и правоприменение в стране.

В 2009 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по заказу НО Фонд «Институт экономических инноваций» был реализован исследовательский проект, посвященный изучению путей и возможностей разработки механизмов развития правосознания российской молодежи. К сожалению, результаты опросов, проведенных в рамках этого проекта, свидетельствуют о довольно низком уровне современного российского правосознания, которое слабо выполняет свои функции – познавательную (уровень правовых знаний), оценочную (отношение к праву) и регулятивную (правовое поведение). Выводы экспертов свидетельствуют о том, что «молодежь не обладает достаточными знаниями в области российского законодательства, не имеет перед собой положительных примеров исполнения законов. Все это влечет за собой неверие в силу и справедливость Закона, и как следствие – неправомерное поведение» [2]. Эксперты указывают также на то, что среди молодежи, как и среди всего российского общества (собственно, частью которого является и молодежь), в значительной степени распространены правовой нигилизм.

Наиболее значимыми факторами, препятствующими законопослушному поведению, по мнению опрошенных молодых людей, являются «отсутствие правового воспитания в семье (56,4 %) и неуважительное отношение к праву и закону в обществе (50,3 %), а также негативный пример представителей органов правопорядка и государства (43,8 %) и негативный пример родителей, старших (43,0 %)» [2].

В качестве глубинных, духовно-идеологических истоков формирования современного российского правосознания, по мнению О. Г. Щедрина, выступают национально-родовые дохристианские верования; православное христианство; коммунистическая идеология; современная (постсоветская) действительность. В целом рассматривая национальное правосознание, исследователи указывают исторические условия, оказавшие влияние на его развитие. Одним из основных таких факторов считается географическое положение России. По словам П. Я. Чаадаева, «есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит чрез всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический» [3]. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский считают одной из основных тенденций исторического развития России непрерывную колонизацию восточных земель. Соглашаясь с ними, Н. Н. Алексеев полагает, что непрерывная колонизация была следствием укрепления государственной власти и причиной преимущественно экстенсивного пути развития общества. По его мнению, «на Западе стремились к усовершенствованию внутренней стороны общественной жизни, а у нас стремились к внешнему расширению в пространстве. Потому западная исто-

рия следовала принципу социальной интенсификации, мы же шли путем экстенсивным. На Западе, если государство давило, можно было придумать только один исход: усовершенствовать государство и ослабить давление. У нас государство давило по необходимости, но мы не стремились усовершенствовать государства, а уходили от него в степь и в леса» [4]. С одной стороны, это способствовало развитию такой черты национального самосознания, как осознание возможности уйти от проблемы, отдалить ее решение. С другой стороны, для контроля над столь обширным пространством была необходима крепкая централизованная власть, регламентирующая все стороны жизни людей. Таким образом, возникает парадокс одновременно сильной и слабой власти.

Еще одним фактором формирования национального правосознания можно считать длительное сохранение крестьянской общины, которое могло привести к таким его особенностям, как размытое понимание собственности, отсутствие противопоставления личности обществу и приоритет устных договоренностей над письменными. Одним из признаков российской правовой культуры многие мыслители и исследователи считают безусловный приоритет моральных ценностей над правовыми.

Рассматривая историю русского сознания, большинство исследователей заостряют внимание на том факте, что формирование государства и механизмов власти на Руси шло параллельно с распространением христианства, что явилось, по мнению Ю. М. Лотмана, причиной особых отношений власти и подданных. Исследователь отмечает, что христианство предполагает не договорные отношения участников, а добровольность, безусловное доверие и отсутствие взаимности: «отдающий себя во власть субъект рассчитывает на покровительство, но между его акцией и ответным действием нет обязательной связи; отсутствие награды не может служить основанием для разрыва отношений» [5]. Подобную мысль высказывал П. Я. Чаадаев: «Как известно, основой нашего социального строя служит семья, поэтому русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью, и только. Всякий государь, каков бы он ни был, для него – батюшка. Мы не говорим, например, я имею право сделать то-то и то-то, мы говорим: это разрешено, а это не разрешено. В нашем представлении не закон карает провинившегося гражданина, а отец наказывает непослушного ребенка. Наша приверженность к семейному укладу такова, что мы с радостью расточаем права отцовства по отношению ко всякому, от кого зависим» [6].

Уважению людей к закону не способствовало и длительное существование крепостничества, так как в течение многих веков подавляющее большинство населения не было субъектом права.

Еще одна особенность русского правосознания – двойственное отношение к механизмам правотворчества и правоприменения. С одной стороны, для большинства русских людей характерно безусловное принятие личности властителя и его действий. П. Я. Чаадаев говорит об этой особенности: «...в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно ненарушимое, а именно – его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет. Ни один народ мира не понял лучше нас знаменитый текст Писания: «нести власти аще не от бога». Установленная власть всегда для нас священна» [6]. Однако принимая и обожествляя власть, народ отрицательно

относится к ее конкретным проявлениям. По словам известного правоведа Б. Н. Чичерина, «самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением... Самые элементарные понятия: повиновение закону, потребность полиции, необходимость чиновников – кажутся ему порождением возмутительного деспотизма» [7]. В правосознании это оборачивается недоверием к судам, что подтверждается пословицами: «Подпись судейская, а совесть лакейская», «Судьям полезно, что им в карман полезло» и др.

Все это приводит к довольно неприятным последствиям. С одной стороны, русский народ отчетливо видит недостатки власти и законов и потому не доверяет им. В частности, в народном правосознании подчеркивается разбалансировка между правотворчеством и правоприменением, лучшей иллюстрацией которой является известная фраза, что строгость законов в России компенсируется необязательностью их исполнения. С другой стороны, безграничное принятие верховной власти и идея ее непогрешимости приводит к тому, что русский народ «признает лишь право дарованное и отмечает всякую мысль о праве естественном». Это лишает человека свободы действия и одновременно перекладывает на власть ответственность за поведение подданных.

Указанные особенности национального правосознания накладывают отпечаток на специфику современного правотворчества и правоприменения. При этом особое влияние на современное правосознание россиян оказывает «сложность, а порой и невозможность реализовать или отстоять собственные права законным способом; безнаказанность государственных чиновников, нарушающих права граждан; отсутствие государственной идеологии» [1]. Преодоление же современного кризиса правосознания представляется возможным только через создание государственно-правовой идеологии, направленной на воспитание в народе идеи необходимости отстаивать собственные права, а также изменение правоприменительной системы таким образом, чтобы она действительно способствовала правовой защите граждан.

В связи с этим одним из очевидных условий повышения уровня правосознания российских граждан является расширение их знаний о конституционных правах и обязанностях, а также основах демократического государственного устройства. По словам русского философа И. А. Ильина, «люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их» [8].

Правосознание ориентирует субъектов права в социально-правовых ситуациях, позволяет им принимать юридически значимые решения, иными словами, выступает своеобразным «внутренним» механизмом регулирования деятельности людей. Правосознание выражает оценку права с точки зрения его справедливости или несправедливости, мягкости или строгости, совершенства или несовершенства, эффективности или неэффективности, достоинств или недостатков. На наш взгляд, важной предпосылкой для повышения уровня общественного правосознания является осознание гражданами не только эффективности правовых норм, но и их доступности для понимания и, следовательно, применения.

Инструментом создания законов является язык, соответственно, право существует в языковой форме. Рассматривая проблему взаимодействия языка и права, можно выделить несколько ее аспектов. Один из них заключается в неразрывной и многогранной связи языка и мышления: не только язык обогащается при усвоении новых знаний, но и знания появляются благодаря

расширению словарного запаса. Поэтому знание языка права не только зависит от степени развития правосознания, но и в значительной мере формирует его. Обновление знания часто протекает как обновление языка. Поэтому изучение языка права помогает изучить проблему национального правосознания, его современное состояние, тенденции и перспективы развития.

Следующий аспект связи языка и права – особенности национального языка и их влияние на правосознание и правотворчество. Зависимость мышления от языка исследуют сторонники гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа. С некоторыми ее положениями согласны современные ученые. Так, по мнению М. В. Лебедева, многовековая практика языкового сообщества, сложившаяся система мышления аккумулялировали и преобразовали коллективный эмпирический опыт, вследствие чего результаты восприятия всегда содержат в себе в большей или меньшей степени момент рациональной обработки. Мысль, опирающаяся на базу готовой языковой формы, возникает при прочих равных условиях быстрее и легче, чем мысль, не имеющая такой опоры в родном языке говорящего. Язык влияет на формирование новых мыслей через значения терминов, в которых так или иначе отразились и закрепились познавательная деятельность предыдущих поколений и их опыт; он сообщает возникающей мысли устойчивость и необходимую определенность. Уже в силу этого можно говорить о том, что значения терминов, определяемые внешней действительностью, формируются не независимо от данного языка, а под влиянием эмпирического и рационального опыта предыдущих поколений, зафиксированного в системе языка. Поэтому и язык юридических документов раскрывает историю развития государства и общества, процесс возникновения новых отношений, требующих правовой регламентации. Рассмотрение национальных особенностей русского языка помогает понять особенности национального правосознания и оценить возможности рецепции западного права на русскую почву.

Наконец, третий, наиболее важный в свете нашего исследования и наименее изученный в современной науке аспект взаимодействия языка и права связан с процессом юридизации естественного языка. Юридический аспект языка, согласно теории Н. Д. Голева, подразумевает «естественные языковые проявления, которые «сами в себе» содержат элементы права, в каждом из которых можно увидеть определенные потенции юридизации» [9]. Н. Д. Голев также указывает, что либерализация российской общественной жизни и особенно актуализация проблемы «права человека» породила массу конфликтов, прежде всего, в рамках закона о защите чести и достоинства личности, где роль языка и речи является нередко определяющей.

Действительно, основная коммуникативная функция законодательных текстов – регулирование общественных отношений и поведения субъектов правоотношений – реализуется через лексические и грамматические языковые средства, которые в своей совокупности выражают значения должностования и значения констатации факта с целью установления правомерного поведения граждан. В связи с этим качество и эффективность правотворческой и правоприменительной деятельности во многом обусловлены грамотным и умелым использованием средств языка. Справедливое и эффективное правосудие является необходимым условием существования любого демократического общества, основанного на принципе господства права, поэтому

процессуальная деятельность должна осуществляться в полной гармонии с требованиями законности, объективности, справедливости и эффективности.

В то же время как юристы, так и лингвисты отмечают, что современное российское законодательство нуждается в совершенствовании. Трудные для восприятия синтаксические конструкции с неправильной логической связью, казуистичность формулировок, смешение паронимов, нарушение лексической сочетаемости – все это препятствует уяснению смысла текста правовой нормы. Например, в ч. 2 ст. 10 Уголовного кодекса РФ неправильный порядок слов нарушает логику высказывания: «Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом...» [10]. Из этого предложения следует, что отбывается деяние, а не наказание, что является речевой ошибкой, недопустимой в деловом стиле.

В тексте Уголовного кодекса РФ неоднократно используются понятия «существенный вред», «значительный ущерб», «злостное уклонение», «доход», которые являются юридическими терминами и требуют специального толкования. Неупорядоченность терминологии в законодательных актах – одна из наиболее острых проблем, с которой сталкиваются как специалисты, так и рядовые граждане при обращении к тексту закона, что вызывает, в свою очередь, недоверие к нему. Чтобы исключить ложное толкование текста того или иного предписания, содержащего юридические термины, составителю законопроекта необходимо учитывать особенности профессионального языка, обеспечить единообразие в понимании отдельных неясных терминов путем определения дефиниций.

Из языкового выражения содержания статей 15, 243 Уголовно-процессуального кодекса РФ [11] следует, что суд не обязан проявлять активность в судебном следствии. Безусловно, это «снижает стандарты доказанности обвинения, а также уровень гарантий законности, обоснованности и справедливости выносимых судом решений» [12]. В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации остается в ряду законов, требующих совершенствования. Это подтверждается тем, что Совет Федерации России ежегодно обсуждает состояние российского законодательства. В числе общепризнанных недостатков Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указываются несогласованность между различными его статьями, наличие противоречий и стилистических ошибок, затрудняющих толкование и применение данного закона.

На VI Всероссийском съезде судей председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, характеризуя законодательство, заявил: «Значительное число законов противоречиво, постоянно изменяется и дополняется, не всегда предусматривается механизм реализации норм... Немало актов, толкование которых представляет значительную сложность. Этим обстоятельством подчас объясняются и судебные ошибки» [13].

Языковое выражение уголовно-процессуальных норм играет решающую роль в обеспечении правильного их понимания и применения, а языковые погрешности, несомненно, служат причинами многих недостатков в практической деятельности органов уголовной юстиции. Так, например, из-за отсутствия в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нормы, обязывающей следователя и дознавателя выявлять причины и условия, способствовавшие совершению расследуемого преступления, и принимать меры к их устранению, в большинстве дел они не выявляются и меры по их

устранению не применяются. Д. Н. Соловьев отмечает, что из 312 проанализированных им уголовных дел только в 38,5 % дел дознаватели и следователи вносили представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений [14].

Таким образом, очевидна значимость адекватного языкового выражения смысла правовых норм, так как любое правовое явление – закон или судебный процесс – есть текстовое явление, явление речевой коммуникации. Это свидетельствует, в свою очередь, об актуальности научного исследования проблемы языкового выражения правосознания в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Язык закона является функциональной разновидностью литературного языка, однако отличается официальностью, директивностью, формализованностью. Законодательный подстиль предполагает ясность, точность, простоту, логичность, последовательность, системность изложения. При этом в законотворческой деятельности используются языковые средства, обусловленные специфическими функциями законодательного подстиля. Так, значение языка в праве не исчерпывается только тем, что он выступает средством выражения правовых норм. Коммуникативная и волюнтаривная функции законодательного языка имеют важное социальное значение. Во-первых, посредством языка категория «законодательная воля» становится общей, или общегосударственной, волей. Во-вторых, через язык закона реализуются цели и задачи законодательной политики, так как, по сути, он выступает средством официального общения государственной власти и населения. В-третьих, язык обеспечивает регулятивную направленность закона, воздействуя на волю и сознание граждан. Из этого следует, что «посредством законодательного языка общезначимые воля и интересы приобретают государственное признание, доводятся до всеобщего сведения, становятся юридическим мотивом и, в конечном счете, находят свое воплощение в индивидуальном и массовом поведении людей» [15].

Таким образом, назначение русского языка в правотворческой и правоприменительной сфере заключается в обеспечении лингвистически грамотного, предельно точного изложения законодательной мысли в ясных, понятных и однозначных словесных выражениях, что является неотъемлемым условием социальной ценности правовых норм, правильности и эффективности их применения, а также залогом повышения уровня общественного правосознания.

Список литературы

1. **Щедрин, О. Г.** Этнические особенности русского правосознания : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Щедрин О. Г. – Ростов н/Д, 2004. – 201 с. URL: www.disserr.ru/contents/103318.html
2. **Гордеев, К. А.** Правосознание современной российской молодежи / К. А. Гордеев // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 5 (93). URL: www.ciom.ru/fileadmin/Monitoring
3. **Чаадаев, П. Я.** Апология сумасшедшего / П. Я. Чаадаев. URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Chaad/Apol_Sum.php
4. **Алексеев, Н. Н.** Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. URL: <http://lib.rus.ec/b/189645/read>
5. **Лотман, Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст - семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – С. 358–368.

6. **Чаадаев, П. Я.** Отрывки и афоризмы / П. Я. Чаадаев. URL: www.lib.rus.ec/b/168572/read
7. **Спиридонова, В. И.** Российское и европейское понимание развития демократических ценностей / В. И. Спиридонова // *Философские науки*. – 2009. – № 5. – С. 23.
8. **Ильин, И. А.** О сущности правосознания / И. А. Ильин. URL: www.philosophy.ru/library/il/02/01.html
9. **Голев, Н. Д.** Постановка проблем на стыке языка и права / Н. Д. Голев // *Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы*. – Барнаул, 1999. – С. 4–11.
10. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 25 (17 июня). – Ст. 2954.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2001. – № 52 (24 декабря). – Ч. I. – Ст. 4921.
12. **Александров, А. С.** Язык уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Александров А. С. – Н. Новгород, 2003. – С. 12.
13. *Российская юстиция*. – 2005. – № 1–2. – С. 5.
14. **Соловьев, Д. Н.** Актуальные вопросы языкового выражения дозволений, запретов и предписаний в уголовно-процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Соловьев Д. Н. – Уфа, 2011. – С. 15–16.
15. **Гойман-Калинский, И. В.** Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие / И. В. Гойман-Калинский, Г. И. Иванец, В. И. Червонюк ; под общ. ред. В. И. Червонюк. – М., 2003. – 544 с.

Барабаш Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра профессиональной педагогики
и психологии, Пензенский
государственный университет

E-mail: olphil@mail.ru

Barabash Olga Vladimirovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of professional pedagogy and psychology,
Penza State University

Мартынова Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии, Пензенский
государственный университет

E-mail: martoa@mail.ru

Martynova Olga Alexandrovna

Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of philosophy,
Penza State University

УДК 81'33

Барабаш, О. В.

Национальное правосознание и его отражение в правотворческой и правоприменительной деятельности / О. В. Барабаш, О. А. Мартынова // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2011. – № 3 (19). – С. 98–106.